

Шире творческую дискуссию!

До Второго всесоюзного съезда писателей осталось всего четыре месяца. Срок очень небольшой, и его надо полностью использовать для серьезного и принципиального творческого разговора по главным вопросам советской литературы. Предстоит внимательно разобраться в том, что сделано за двадцатидесять лет нашей писательской, проанализировать литературный процесс, достижения и недостатки литературы.

Успех съезда во многом зависит от того, насколько глубоким и содержательным будет этот предсъездовский разговор, насколько активным будет участие в нем и опытных мастеров и литературной молодежи. Такой разговор невозможен без живого обмена мнениями, творческих споров, широкой дискуссии.

За двадцать лет, отделяющих нас от Первого съезда писателей, советская литература накопила огромный положительный опыт. Созданы десятки произведений, завоевавших широкую популярность среди миллионов читателей как в нашей стране, так и далеко за ее пределами, во всех концах мира. Творчество советских писателей, неразрывно связанное с политикой Советского государства, с интересами советского народа, основанное на незыблемых принципах партийности и правдивости искусства, свидетельствует о том, какую замечательную почву для развития искусства создает социалистический строй.

Многообразие художественных приемов, стилей, жанров, многообразие творческих индивидуальностей, творческих и двигающих вперед наше искусство, побуждают, какими бы то ни было, возможностями располагает литература социалистического реализма. Важнейшим средством обобщить этот творческий опыт, обсудить пути решения стоящих перед советской литературой задач, выявить достижения и недостатки творчества наших писателей является свободная творческая дискуссия.

Споры в искусстве никогда не прекращаются. Они выражаются прежде всего в самых произведениях, написанных в разных материалах, разными художественными средствами. Дискуссия помогает глубже и яснее разобраться в сущности этого живого творческого соревнования советских писателей. Борьба мнений не прекращается не только потому, что писатели спорят об образах своих героев, строках своих поэм, стилям своих книг. Серьезно расходятся мнения и в тех оценках, которые дает произведениям критика, и в тех спорах, которые возникают на писательских собраниях и читательских конференциях.

И все же творческие дискуссии еще не стали постоянной формой творческой работы писательских организаций ни в секциях, ни на прошедших за последнее время республиканских съездах писателей и областных собраниях, ни в печати. Писательские организации не научились пользоваться дискуссиями как средством живого обмена творческим опытом, как лучшим способом решения творческих вопросов.

Вспомним обсуждение в московской секции поэтов романа Л. Леонова «Русский лес». Разве не обидно, что на этом собрании, где горячо столкнулись различные точки зрения специалистов лесного дела, не прозвучали голоса крупных мастеров прозы и почти не были затронуты вопросы стиля этого своеобразного произведения?

На недавнем обсуждении «Оттепель» И. Эренбурга повторилась та же картина: писатели-прозаики почти не выступили, представив слово критикам. А между тем повесть Эренбурга, естественно, вызывает много разговоров в писательской среде.

Успех дискуссий, свободного творческого разговора зависят от нетерпимости и иезумительности, стремления надеяться своих оппонентов вслух или втихомолку. Так, например, на обсуждении «Русского леса» писатель С. Злобин пытался частенько закрывать этот роман, забывая о своеобразии стиля и всего писательского пути Л. Леонова. На обсуждении повести «Оттепель» вызвало удивление заявление заместителя председателя секции прозы Ю. Либенского, что бюро секции считает повесть неудачной — если оценка художественного произведения решается голосованием, — зачем созывать писателей на обсуждение?

Большим недостатком дискуссий является их узость, замкнутость в рамках одного произведения, отсутствие сопоставлений с другими явлениями литературы и анализ творчества писателя в целом. Это сказывается, в частности, в дискуссии о романе Ф. Пафлюкова «Волга-матушка река» в Союзе писателей и на страницах «Литературной газеты». В то время как одни выступили с безудержным восхвалением романа, — другие его полностью зачеркивали. Но никто из выступивших не попытался рассмотреть это произведение в связи со всем творчеством писателя и на фоне развития всей советской литературы.

Чем же объясняется низкий уровень наших дискуссий? Одной из причин является плохая организация их, неумение поставить вопросы острого, интересного и волнующего. В тех же случаях, когда вопросы ставятся остро и интересно, когда для дискуссии избираются проблемы действительно актуальные (как, например, проведенное в 1953 году обсуждение книг, посвященных творчеству Маяковского), они привлекают внимание писателей, критиков и читателей.

До сих пор не жажда среди некоторой части писателей базиса открытого спора, боязня критики и самокритики. Иной писатель предпочитает промолчать, чтобы не высказывал резкого одобрения своих взглядов. Иному кажется, что критика может обидеть товарища по перу, и он сам обижается на критику... Таки пережитки старых литературных нравов противостоят всему стилю нашей общественной жизни, в которой борьба за новое, прогрессивная и нелицеприятная критика недостатков является движущей силой, законом развития.

Творческая дискуссия может успешно разрешиться лишь при условии, что споры будут вестись с верных, марксистско-ленинских позиций, что борьба мнений будет сочетаться с борьбой за чистоту идейных позиций литературы, против всякого рода пережитков буржуазной идеологии. Несомненно озорливо обстановку, которой печать и литературная общественность подвергает порочную линию критического отдела журнала «Новый мир», допустившего рецидив антимарксистских взглядов в вопросах эстетики.

Нельзя пренебрегать все многообразие спорных вопросов, нельзя предвидеть все проблемы, которые привлекут внимание участников предсъездовской дискуссии. Но некоторые вопросы уже отчетливо поставлены самим ходом литературной жизни. Особое значение имеет для нашей литературы вопрос о положительном герое, а в связи с этим — и вопрос о формах и методах изображения отрицательных явлений нашей действительности, о сущности конфликта и противоречий, изображаемых в литературе. Партийная печать своевременно и резко осуждала «теорию» бесконфликтности, приводившую к лапкорке, к нарушению жизненной правды. На XIX съезде партии перед литературой была поставлена важная задача: создавать яркие образы положительных героев нашего времени, достойных быть примером и предметом подражания, с одной стороны, и с другой, — выжить негодное, отрицательное, омерзительное, все, что мешает построению коммунизма. Пути и методы решения этой задачи требуют конкретного обсуждения.

Разговор писателей о собственном творческом опыте и опыте своих товарищей, анализ различных способов построения конфликта и самых типов конфликта, споры о конкретных произведениях и героях помогут найти решение сегодняшних задач литературы.

Много нерешенных вопросов волнует наших прозаиков и поэтов, лекских писателей и драматургов, критиков и переводчиков. Эти вопросы надо поставить и обсудить в процессе подготовки съезда.

Заблуждаются те писатели, которым кажется, что все актуальные проблемы будут поставлены и разрешены только на самом съезде. Предсъездовская дискуссия даст возможность учесть на съезде различные точки зрения, придаст обсуждению вопросов на съезде большую глубину и основательность.

В свободной творческой дискуссии будет, несомненно, высказано много различных, часто противоречивых суждений, по многим вопросам развернутся горячие споры; много будет высказано полемических суждений, критических замечаний. Но если участники дискуссии будут, при всем расхождении их мнений по конкретным вопросам, объединять одно общее стремление — двигаться вперед литературу социалистического реализма; если все участники дискуссии будут исходить из основных принципов марксистско-ленинской эстетики, принципов партийности и народности искусства; если все выступающие будут руководствоваться задачей сделать наше искусство еще более действенным оружием в деле коммунистического воспитания масс, — тогда дискуссия окажется плодотворной, позволит советским писателям прийти на съезд во всеоружии и с успехом разрешить вопросы, стоящие на повестке дня съезда.

Метод творческих дискуссий должен прочно войти в жизнь писательских организаций.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 87 (3271)

Четверг, 22 июля 1954 г.

Цена 40 коп.

Великий день Польши

Передо мной лежит большой, уже пожелтевший от времени и немного шершавый в складках лист бумаги.

«Манифест Польского Комитета Национального Освобождения» — чернеют крупные заглавные буквы сверху. А внизу виднеется дата: Хелм, 22 июля, 1944 г.

Я беру в руки Манифест и читаю первые его строки: «Соотечественники! Пройдя час освобождения, Польская армия вместе с Красной Армией перешла через Буг. Польский солдат сражается на своей родимой земле. Над истерзанной Польшей вновь реют бело-красные флаги...»

Со стен Хелма, небольшого пограничного городка над Бугом, только что освобожденного советскими войсками, расклеванные плакаты с текстом Манифеста звали поляков к борьбе. В Хелме, на маленьком свободном клочке польской земли, десять лет назад родился новый поляк трувогого народа. И голос его — голос мужества и надежды — сквозил грохот орудийной канонады утешали миллионы моих соотечественников, томившихся тогда в гитлеровском неволе.

Мне довелось впервые прочитать Манифест много месяцев спустя, лишь в феврале 1945 года. В Варшаве из убежищ и подвалов уже вилась, помню, мирные дымы, Советская Армия в беспрерывном наступательном марше гнала гитлеровцев на запад, а навстречу по военным дорогам, прижимаемая к обочинам, брели в Варшаву люди, измученные гитлеровской неволей люди. Они оглядывались назад, — там подалось еще зарево войны, а впереди, над роющими пейзажами, еще стояла пахнущий гарью дым пожаров.

В стране, которую гитлеровская тирания обозначила на своих картах, как зону пустыни, где с злодейской последовательностью проводился план «тотального уничтожения», — в этой стране кое-кому программа строительства новой жизни, провозглашенная Манифестом, могла показаться дерзкой, несбыточной мечтой. И вот прошло десять лет. Я снова склоняюсь над страницами Манифеста. От Буга до Одера, от Хелма до Вроцлава, — какие огромные перемены произошли на польской земле! И так стремительно, волею воли народа, были осуществлены преобразования, которые провозгласил Манифест, что память невольно подкашивает различные сопоставления.

Не считанные годы, — каких-нибудь десять-пятнадцать лет, — а целая эпоха, словно прострел, отделяет старую, слабую, нищую Польшу от Польши новой — экономически мощной, независимого народно-демократического государства.

Прошло время, когда по важнейшим экономическим показателям Польша плелась в хвост западноевропейских стран. Бому бы пришло в голову лет пятнадцать назад сравнить отсталую Польшу, скажем, с такими крупными капиталистическими странами, как Франция или Италия? А в прошлом году мы уже обогнали по выпуску валовой промышленной продукции Италию. По сравнению с Францией производство промышленной продукции на душу населения в Польше отстает всего лишь на 8 проц. Вполне уместно тут напомнить, что в 1938 году на каждого поляка приходилось почти в пять раз меньше промышленной продукции, чем на каждого француза.

Уголь называют хлебом промышленности. Польские фабрики и заводы доведены до обеспеченности этим хлебом. И раз уж заплачет об этом, приведу небольшую фактическую справку: в 1954 году в Польской Народной Республике будет добыто каменного угля больше, чем во Франции, Бельгии и Италии, вместе взятых.

Так говорят цифры. Бегити, пристрастие поляка к цифрам понятно: словно веки, они обозначают наши достижения на путях социалистического строительства. В них находят свое отражение новая экономическая география страны, география, которая покорит в скором времени с надеждой прошлого — отсталостью и запущенностью в хозяйственном отношении некоторых районов. Как радость победу, отметит наш народ в день национального праздника возрождения Польши пуск металлургического комбината имени В. И. Ленина близ Бракова, первой в стране теплоэлектростанции в Варшаве и многих других предприятий.

Сегодня с чувством волнения перечитывая Манифест, подписанный 10 лет назад в Хелме, понимаю, что народная власть выдвинула тогда реальную программу возрождения страны на народно-демократической основе. Мне, польскому писателю, особенно дорого то, что свет новой культуры вошел и в жилище польского рабочего и в дом полка-земледельца. Я живо помню времена, когда миллионы — это по меньшей мере — наших детей отказывались в праве на обучение, им не находилось места на школьных партах. А каким глумом, оскорбительным самоунижением ведало от парадных филантропических затей польских дельцов! Со всем недавним строгим, восстанавливающим знание Варшавской филармонии, обнаружил в ее фундаменте старые журналы и акт закладки филармонии. В одном из этих журналов было помещено объявление: каждому, кто приобретет акция строительной компании на сумму не менее 5000 рублей, обеспечено пожизненно бесплатное место в зале будущей филармонии...

Может, не лишне сказать несколько слов о новом здании Варшавской филармонии. Над его украшением уже работают наши лучшие художники и мастера. На первом концерте, который состоится 17 января 1955 года, в десятую годовщину освобождения Варшавы, в креслах большого зала будут в качестве почетных гостей сидеть рабочие-строители.

Станислав Ришард ДОБРОВОЛЬСКИЙ, польский писатель

Но не только в залах театров и филармоний, а всюду — за школьными партами, в аудиториях высших учебных заведений — мы видим рабочую молодежь. И новым глубоким смыслом облекаются слова Манифеста о том, что в возрожденной Польше всем будет обеспечено право на бесплатное образование.

Ясные горизонты открыла моей родине народно-демократическая власть. Польша живет в кругу дружественных соседних государств. Как много говорит сердцу каждого поляка карта нынешних польских границ! На востоке пограничную линию, установленную по взаимному согласию заинтересованных сторон, наш народ называет границей вечной дружбы и нерушимого братства с Советским Союзом — освободителем. На юге она обнимает нас с народно-демократической Чехословакией. На западе граница, идущая по Одеру и Нейссе, стала границей мира и дружбы между Польшей и Германской Демократической Республикой. На 500 километров протянулась балтийская береговая линия, открывшая Польшу широкий выход к морю. Никогда, никогда не забудет польский народ, что благодаря помощи Советского Союза сбылось его заветное национальное стремление, и все исконные польские земли, оторванные в прошлом немецкими захватчиками, объединены теперь в одном государстве.

Освобождение нашего народа совместными усилиями Советской Армии и Войска Польского от оков фашизма, от ига гитлеровских захватчиков и сопутствовавшая этому народно-демократическая революция вызвали коренной поворот в истории развития нашего национального искусства и литературы.

Десять лет тому назад в новую жизнь народной Польши вступили разные писатели с разными взглядами на мир, с различными идейно-художественным облик. Но в результате войны против гитлеровских захватчиков и связанных с нею переживаний большинство писателей объединилось общими чувствами ненависти к фашизму и преданности к возрождаемой Польше. Этим чувствам характерно проявление творчества, появившиеся в тот период, особенно самые лучшие из них, при всех различиях, иногда весьма значительных, которые были присущи их создателям. Эти патристические чувства воплощались в своих произведениях и Владислав Броневский, и Мечислав Леструн, и Адам Валяж, весьма отличающиеся друг от друга по своей поэтической манере. Струнная мысль о борьбе с фашистскими варварами пронизывала и книгу «Медальоны» Софии Налковской и творчество преждевременно умершего молодого прозаика Тадеуша Боровского, освещенные рассказы которого при всех их недостатках потрясли душу читателей. Из атмосферы того времени родились новые стихотворения всевозможного в творческом труде старейшины польской поэзии Леопольда Стаффа и новые произведения Леона Кручковского, Мари Дембровской, Ярославны Ивашкевича, Юлиана Тувема, Владислава Ковальского, Яна Бжехва... Все назвать здесь невозможно.

В жаркой атмосфере первых дней народной Польши, насыщенной воспоминаниями минувших ужасов и радостью обретенной свободы, выявились новые таланты прозаиков — Вазижа Брацкейса, Войцеха Жуковского, Ежи Брошкевича, поэтов Виктора Воронильского, Тадеуша Ружевича, Тадеуша Кубака, Анны Камеиской и многих, многих других. Темами, больше всего захватывавшими умы писателей, наиболее живо воплощавшимися их, были, и это легко понять, прежде всего переживания минувшей войны и оккупации. С особой силой выражали писатели пережитые страдания, показывая мучения народа в мрачные годы гитлеровского террора.

Другой тематической сферой, привлекавшей интерес писателей в тот период, были внутренние отношения в буржуазной Польше, которые привели к сентябрьской катастрофе 1939 года. Писатели стремились разобраться в процессах, которые происходили в польском обществе до войны, воплотить в образах свое отношение к событиям недавнего прошлого. Среди этих произведений нужно в первую очередь назвать «Сентябрь» Е. Путрамента.

Так, в общих чертах, складывалась литература в период рождения народной Польши. Однако вскоре под влиянием происходящих у нас в стране великих событий, под влиянием воспитательной работы партии писатели начали осознать, что их главная задача — изображение современной жизни.

На пути к изображению новой действительности стояло немало препятствий. Не следует забывать, что сознание многих писателей формировалось и созрело в условиях старой Польши, если не под влиянием буржуазных общественно-политических идеологов, то, во всяком случае, под влиянием буржуазных эстетических теорий. Обращение к актуальным проблемам новой жизни вначале оказалось более легким для тех писателей, которые меньше всего подверглись влиянию буржуазной идеологии, — для писателей революционного течения польской литературы межвоенного периода и для нашей писательской молодежи, которая идейно формировалась в ходе борьбы за народную Польшу.

Когда на съезде польских писателей в Щецине в 1949 году перед писателями народной Польши была поставлена задача борьбы за социалистический реализм, ударной бригадой в этой борьбе выступили наши молодые поэты Виктор Воронильский, Анджей Браун, Витольд Вирпила, Арнольд Слудский и другие... Именно они, наряду с революционными поэтами и писателями старшего поколения во главе с Броневским и Кручковским, взяли на себя главную тяжесть этой задачи.

Это было время, когда партия и правительство разработали великий план социалистической перестройки хозяйства страны — наш шестилетний план.

Шестьлетний съезд Союза польских писателей, состоявшийся в январе 1949 года, нужно рассматривать, как поворотный момент в истории польской литературы последнего десятилетия. Как раз в это время старый польский революционер Юлиан Рудницкий издает первый том своего романа — воспоминаний «Старое и новое», а Леон Кручковский ставит на сцене «Немецы» — пока что лучшее произведение нашей современной драматургии.

Первые путеводные вехи поставлены. Но тема жизни новой народной Польши все еще ждет своих певцов, ждет эпического воплощения. Гигантские задачи нашего шестилетнего плана и связанные с этим новые амбиции миллионов людей устремились к соборам, захватили не одного писателя. Многие направились на заводы и в шахты, на фабрики и в производственные кооперативы.

Серьезным препятствием в развитии нашей художественной литературы явилось прежде всего слабое знание жизни некоторыми писателями и недостаточное понимание принципов социалистического реализма, а часто и неверное их толкование.

Существовавшее положение требовало широкой идейно-воспитательной работы среди писателей. Большую роль сыграл в этом пример литературы страны победившего социализма — передовой литературы народов Советского Союза. Богатый опыт, накопленный в Советском Союзе, поэзия Маяковского и творчество классиков советской литературы в огромной мере способствовали решению многих трудных проблем нашей современной литературы. Этот период был ознаменован у нас оживленными творческими дискуссиями. Вскоре усилия писателей народной Польши дали первые плоды. Уже в 1950 году вышло много книг, содержанием которых был труд нашего народа, строящего социализм, его борьба за выполнение шестилетнего плана. Невозможно перечислять здесь все, написанное об этом.

Можно было бы, как это, впрочем, и делалось, предвять авторам этих произведений различные справедливые упреки.

Образы, показанные в этих произведениях, нередко были схематичны, а сами произведения страдали композиционными недостатками. Все это верно. Но все же остается фактом, что именно они, эти не во всем удачные дебюты, произвели существенный перелом — внесли в нашу современную литературу современную актуальную тематику и важнейшую проблему дня: социалистическое строительство.

Последний съезд Союза польских писателей в июне 1954 года обсудил пути нового подъема нашей литературы. Съезд поставил перед писателями народной Польши как главную задачу создание произведений, которые, говоря о современном человеке, о его победах и поражениях, радостях и печалих, трудностях и достижениях, мобилизовали бы его на дальнейшую борьбу и труд для великого дела социализма, для мира и счастья своего народа и всего человечества.

Вот почему польских читателей и писателей радует, что многие из замечательных литераторов старшего поколения, как Ярослав Ивашкевич, увлеклись полней энтузиазмом атмосферой нашей жизни. Вот почему мы с нетерпением ждем обещанного Марией Домбровской нового романа о нашей жизни. Вот почему мы с интересом следим за творческой работой писателей среднего поколения.

Большие надежды возлагаем мы на нашу творческую молодежь, выросшую в условиях напряженной борьбы за торжество социализма.

Каким далеким, через призму этого неповторимого десятилетия, пройденного в победах польским народом, кажется мне теперь тот февральский день, когда я впервые взял в руки Манифест, опечаленный на грубой, серой бумаге в Хелме! С вершиной достигнутого нами успехов, словно с высоты Ворца науки в Варшаве, открываются такие просторы, что дух захватывает от горлеющего опущения коллективной силы и единства нашего народа. Обширную программу дальнейшего повышения жизненного уровня всех трудящихся, программу дальнейшего построения социализма начертал перед нами Второй съезд Польской объединенной рабочей партии.

...Привык, раздвигаясь из Хелма десять лет назад, повел Польшу по пути национального возрождения и процветания. И верным союзником, старшим братом и бескорыстным другом был нам на этом славном пути советский народ, народ-освободитель.

Леопольд СТАФФ
Строфа
Грозные войны юсти
В бессильной ярости падают.
Мир — человечеству порука,
Что дни счастливые придут.
Пожар войны, и смерть,
и муки
Предотвратит свободный труд.
Перевел с польского
М. ЖИВОВ

СЕРЬЕЗНАЯ ПОБЕДА СИЛ МИРА

Женевское совещание, продолжавшееся почти три месяца, закончилось своей работой. Как уже сообщалось, в ночь с 20 на 21 июля во Дворце наций были подписаны соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме и о прекращении военных действий в Лаосе. 21 июля состоялось подписание соглашения о прекращении военных действий в Камбодже. Достигнута также договоренность и по ряду других документов. В заключительной декларации участники Женевского совещания приняли к сведению все подписанные и согласованные документы.

На заключительных заседаниях главы делегаций, принимавших участие в Женевском совещании, выступили с заявлениями. В результате усилий участников совещания, сказал Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, основная цель Женевского совещания достигнута: задача восстановления мира в Индо-Китае успешно решена. «Принятие на совещании соглашения, основанное на признании национальных прав народов Индо-Китае и учитывающее интересы Франции, нельзя рассматривать иначе, как серьезную победу сил мира, как крупный шаг на пути к ослаблению напряженности в международных отношениях», — подчеркнул В. М. Молотов.

Полный текст заявления В. М. Молотова, главы делегации Китайской Народной Республики Чжоу Энь-ляя, главы делегации Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Лонга, а также текст Декларации публикуются в сегодняшних ежедневных центральных газетах.

Женевский дневник

20 июля

Начался «большой день Женевского совещания», который должен стать днем установления мира в Индо-Китае. Залпала пресса, продолжая утверждать, что еще остается много вопросов, подлежащих согласованию. Однако большинство газет приходит к выводу, что эти разногласия будут урегулированы.

Было уже около полудня, когда в «Мэзон де ла пресс» я услышал, что мистер Бедла Смит «нездорво».

После обеда, часа в три, в кругах журналистов, представляющих демократические страны, стало известно, что «все урегулировано, и документы уже подготовлены».

21 июля

Было пять часов утра. И вот обобщено, как многие другие, я проснулся рано, и прежде всего включил приемник. Первая услышанная мною новость — радостна: во Вьетнаме и Лаосе смолкли орудия и «грязная война» закончилась подписанием сегодня ночью, в 3 часа 40 минут, в «Палас де насьон» соглашения о перемирии. Миллионам людей был возвращен долгожданной покой.

Как все это произошло? Когда я вчера вечером пошел к «Палас де насьон», перед входом в зал заседавший собралась уже огромная толпа фотожурналистов, кинооператоров и журналистов... Уже три часа ночи. Толпа не редет. В зал должны были вступить несколько фотожурналистов. Вправо от зала заседаний на лестнице выстроился батальон людей с фото- и киноаппаратами. Мелкие холды, вооружившись авторучками, карандашами, блокнотами и маленькими магнитофонами, выстроились второй батальон — корреспондентов и радиокомментаторов.

В 3 часа 30 минут в зал вступили фотографы. В 3 часа 40 минут по периметру лестницы буквально стелзал первый фотограф, радостно крича: — Перемирие подписано!

Мы все дружно ответили ему: — Вив ля по! Да здравствует мир! Несколько минут спустя толпа исчезла. Все раздвинулось кто куда: одни к телефонным будкам, другие в кабинеты с телеаппаратами, третьи в радиостудии. С возбуждением человека, который только что вернулся с поля битвы и вступил в мирную жизнь, я говорил в микрофон польского радио, установленный в студии «Палас де насьон»:

— Ночь с 20 на 21 июля закончилась победой сил мира! 21 июля стало днем восстановления мира в Индо-Китае, несмотря на все провокационные попытки врагов мира.

В 12 часов дня сегодня было подписано соглашение о прекращении военных действий в Камбодже. В «Мэзон де ла пресс» в этот час не оказалось ни одного американца, хотя они обычно всегда наводняют «базар новостей»...

Начинается заключительное заседание. Огромная толпа собралась у порога «Палас де насьон» и бурными аплодисментами встречает каждого из министров. Среди присутствующих много знающих журналистов. Этого в начале совещания не было!

Только один из глав делегаций прошел среди полного молчания. Ни хлопка, ни улыбки. То был мистер Бедла Смит.

На заключительном заседании была принята декларация по вопросам восстановления мира в Индо-Китае. Почти все выступившие министры (за исключением одного) произносили сердечные речи. И лишь один сухо заявил, что не согласен присоединиться к заключительной декларации совещания в той форме, в которой она представлена совещанию, и огласил одностороннюю декларацию. Полагаю, что нет нужды упоминать лишней раз имя этого министра, точнее — заместителя министра.

Когда закончилось торжественное пленарное заседание, на котором Европа и Азия договорились обо всем без помощи американцев, в премежных залах «Палас де насьон» состоялся дружеский банкет, продолжавшийся больше часа. Министры и члены делегаций пили шампанское за успех и прочность мира.

Потом они снова проходили сквозь шпалеры журналистов, проходимые новыми бурными аплодисментами.

Совещание закончено. Силы мира одержали победу.

Эдмунд ОСМАНЧИК, польский журналист
ЖЕНЕВА, 21 июля. (По телефону)

КУРОРТНИК БЕЗ ПУТЕВКИ

В пути обычно знакомятся быстро. Тронувшись поездом — разговорились, и через некоторое время в купе все уже знали друг друга по имени и отчеству. Пожилая женщина и мужчина, занимавший верхнюю полку, ехали в Кисловодск по «санаторным» путевкам, сотрудница одного из министерств имела курсовку, четвертый спутник, издательский работник, оказался курортником «неорганизованным», как он представился. В отъезд собрался он неожиданно — ни путевки, ни курсовки приобрести не успел.

— Рисованное путешествие, — сказал мужчина с верхней полки. — В прошлом году многим, приезжавшим в Кисловодск, как и вы, «диким путем», не удалось поехать.

Мы решили проследить путь «неорганизованного» курортника. В пять часов утра, когда поезд прибыл в Кисловодск, приехавших по путевкам встретили представители санаториев. Курсовочников пригласили в курортное бюро и предложили на выбор несколько адресов квартир. Только «неорганизованным» никто не встречал. С чемоданами в руках, они поспешили в гостиницы «Эльбрус» и «Параиз». Дежурные администраторы, не поднявшись даже с дивана, сонными голосами ответили одной и той же фразой: «Все занято»...

«Неорганизованные» вышли на улицу. И здесь им повезло. Кто-то из местных жителей, увидев стоящих в такой ранний час на улице людей с чемоданами, посоветовал:

— Не волнуйтесь, погуляйте по парку, осмотритесь, а к восьми часам идите в курортное управление. В этом году для вас продаются курсовки, имеются квартиры.

И действительно, часа через два были получены курсовки и адреса квартир. В отличие от прошлого года, когда все курсовки продавались заранее в различных городах страны, в этом году дирекция курорта получила возможность в течение сезона продать пять тысяч курсовок. Создано квартирное бюро, заключены договоры с местными жителями, сдающими комнаты.

Таким образом, после настойчивых требований общественности в Кисловодске проявили заботу о людях, приезжающих на курорт без путевки и курсовок. Правда, «неорганизованным» будет, наверное, больше, чем пять тысяч, и как заявил нам директор курорта С. Востропаев, обслужить всех не удастся.

Хорошее начинание курортного управления, вспомнившего, наконец, о «неорганизованных», не поддерживается горисполкомом.

В Кисловодске систематически не используются ассигнования на строительство домов, их ремонт, расширение торговой сети. В прошлом году в местной газете городской архитектор сообщил о получении ассигнований на постройку десяти трех- и четырехэтажных домов на улице Державинского, дзигитской столовой на пятьсот мест, большого ресторана. К сожалению, почти все эти планы остались нереализованными. Курортный сезон в разгаре, а в городе еще продолжается ремонт пансионата на шести мест, ремонтируются торговые помещения; намечали открыть несколько летних кафе и закусокных под тентами, но их также нет. Все это в первую очередь сказывается на положении курортников, приезжающих без путевки и курсовок.

Боле гостеприимно встречают «неорганизованного» курортника в Сочи. Только сойдешь с вокзала, и сразу же к твоим услугам прямо у вокзала квартирное бюро, в котором можно получить адрес квартиры по твердо установленным ценам — 170 руб. за койку в месяц. Проходя по городу или аллеям Приморского парка, можно увидеть и другие проявления заботы о «неорганизованных» курортниках. В спальных районах Горсправки, например, висят большие объявления, оповещающие прохожих, что здесь можно получить адреса квартир, заказать железнодорожный билет. А на проспекте Сталина и на Приморской набережной — такие объявления: «Здесь отпусаются на дом обеды в термосах».

П. МАКУРШЕНКО,
специальный корреспондент
«Литературной газеты».

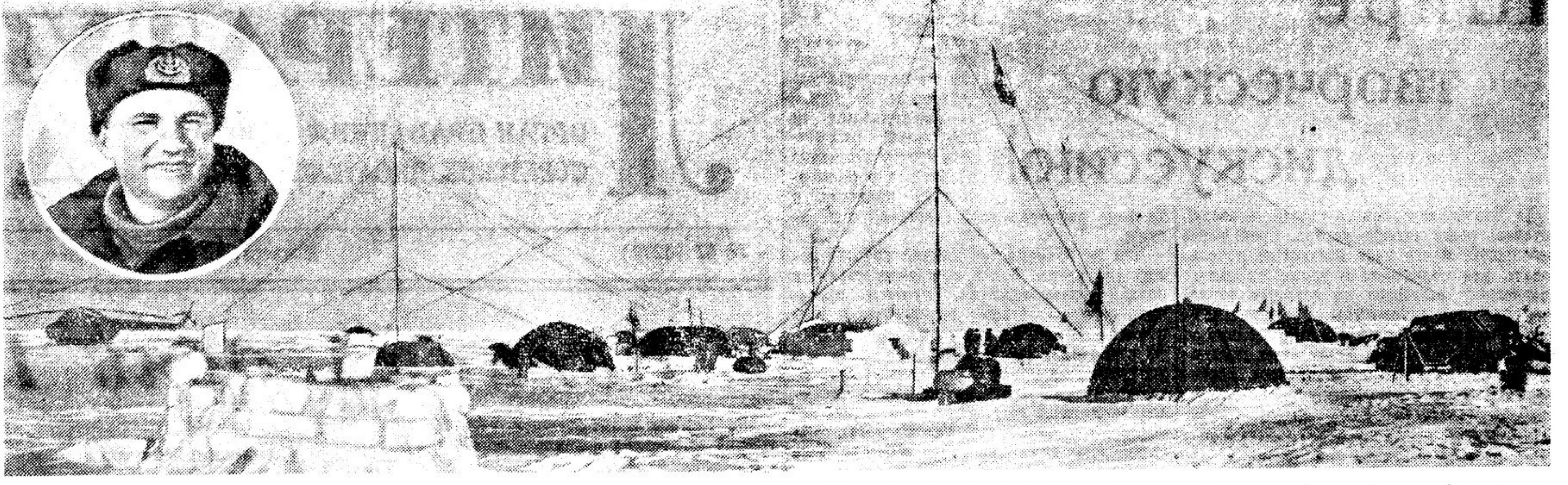
Кисловодск — Сочи.

От редакции. Еще два года назад некоторые читатели нашей газеты, испытавшие все прелести путешествия «диким путем», предложили организовать на каждом курорте, при горисполкоме или под его контролем, бюро обслуживания для помощи тем, кто приезжает без курсовок и путевки.

Одним из первых откликов на это предложение читателей было создание бюро обслуживания в Геленджике. В настоящее время, как сообщили запрошенные редакцией председатели горисполкомов, такие же бюро созданы в Ялте, Евпатории, Анапе, Алушке, Адлеше и в других курортных местностях.

В Алушке позаботились, кроме того, и об увеличении сети предприятий общественного питания; в Евпатории — о поликлинике для «неорганизованных»; на некоторых курортах выделены автомашины, встречающие отпусковиков у вокзалов; принимаются меры к обеспечению всех железнодорожными билетами на обратный путь и т. д.

Мы сообщаем об этом потому, что в свое время на запрос редакции председатели некоторых горисполкомов (например, Одесского), ссылаясь на различные трудности, отказались взять на себя заботу о тех, кто приезжает без путевки и курсовок. Опыт последних лет показывает, что при желании можно по-настоящему помочь им провести свой отпуск на курортах.

Так выглядит лагерь дрейфующей научной станции «Северный полюс-3», возглавляемый Героем Социалистического Труда А. Ф. Трещниковым (в овале). Здесь вертолет и автомашины, намоного облегчающие труд полярников. Научное оборудование установлено не на открытом воздухе, а в утепленных палатках (около них видны баллоны с газом), в центре — «Дворец культуры», сложенный из напильничного остога.

Большой коллектив ученых, вооруженный современной отечественной техникой, ведет напряженную работу по изучению Центральной Арктики. Сейчас над лагерем стоит полярный день — круглые сутки освещает лагерь яркое холодное солнце. Научные сотрудники готовятся к тому, чтобы продолжить интенсивные исследования и в условиях суровой полярной ночи.

Фото В. Савостьянова

СТИХОТВОРЕНИЯ

Алексей НЕДОГОНОВ

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Усталая,
но гордая осанка.
И узелок дорожный за спиной.
Гадала мне гречанка-сербянка
в Саратове на пристани речной.

Позвякивали бедные монеты
на замыленном рубище ее.
Она гнала.
Но вышло чисто.
Я слушал про свое житье-бытье.
И делал вид, что понимаю много,
хотя она мне верила с трудом.
Тут было все:
и дальняя дорога,
и беспокойство,
и каменный дом,
тут были встречи,
слезы и свидания,
и радости,
и горечь женских мук,
все,
без чего немалым гаданье
в такие дни на пристанях разлук.

Во всем я видел правды очень мало.

Что слезы — ложь,
что встречи — соврала,
а то, что буду жив, —
она узнала,
и что домой вернусь, —
права была.

САРАТОВ. Осень 1941 г.

ДОРОГА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Холмы и курганы
вблизи и вдали —
мозоли войны
на ладонях земли.

На всех расстояниях
шумит чернобыль —
от ханской орды
до фашистских могил!

Разрой чернозем
и взгляни:
что ни шаг —
над костью монгольской
тевтонский шпикал,
французские рубя
суглинком в стоде
(пейсгауз бесславья,
зарытый в земле)...
Оружье и череп —
гробница врагов.

Над нею комбайн
и шнеки веков,
и тридцать железных
бессмертных ветров
над башинами
танков
и крейсеров.

...Мы солнце куем,
и не ведаем мы,
когда нашу землю
поранит фукус,
но знаем —
тогда уж возникнут
холмы
на том континенте,
что выстрелит в нас.

Мы,
веря всю жизнь
в справедливость свою,
в любую невздуго —
под Млечным путем —
попадем не просим

Безвременно скончавшийся Алексей Недогонов был поэтом яркого, самобытного звучания.

Опубликованные поэмы «Флаг над сельсоветом» и ее широкое общественное признание почти совпали с кончиной поэта. В посмертное и последующие за ним издания не вошли многие интересные стихи Алексея Недогонова.

Читая ранее не опубликованные стихи А. Недогонова, лишний раз убеждаешься, какого правдивого и завидно зоркого, по-настоящему талантливого поэта потеряла наша современная советская поэзия.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

в открытом бою,
а в гнев
прощенья врагам
не даем!

ТРУДИСЬ ЖЕ, АРМИЯ ПЕРА!

В знак дружеского уваженья,
желаю вам, как младший брат, —
не знать в работе
пораженья, —
ни огорчений,
ни преград,
ни осложнений
всевозможных.

Желаю вам больших удач
в решении сложных,
неотложных,
странной поставленных задач.

В дни грозных битв с врагом
по праву
перо приравнено к штыку.
И все вы трудитесь
на славу,
как наши воины в полку.
Рассказ,
короткая заметка,
удачный очерк,
меткий стих —
бьют по врагу острей и метко,
как пушки бьют — без холостых.

Трудись же, армия пера,
во имя счастья Украины,
чтоб дату новой годовщины
нам встретить за
чертой Днестра!

1943 г.

ЖУРАВЛИНАЯ ПОЧТА

Просторно и чисто в горенке.
Окно распахнуто в сад:
в саду — ни сушка, ни заборники,
на яблонях луны висят.

Шумит наливная антоновка,
плоды опустели до земли.
А окошко тоненько-тоненько —
жужжит золотые шмели.

Такой задумчиво-печально
еще не бывала зари:
она — словно неслышная
в начальный рассвет сентября.

Свежа она позимними травами
и дождями сытых полей,
звучна — на реке — переправами,
высокой трубой журавлей,
на кузне — веселыми стуками,
звоночком, что в школе звенит.

И вся она — краснами, звуками
и запахом души пьяной.

Покуда ветра за дубовую,
деревья сулят холода,
а утренник лапкой кленовою
шагает по корочке льда, —
далеко, лучами обласканы,
с измученных крыл журавли
роняют пылинки рязанские
на травы албанской земли.

За окнами стужа.
Венгерская выгода метет.
Мы в вилле помещика
молча сидим у камина.
Стелют дрова.
А в углу о разлуке пост
в руках пехотинца
трофейная мандолина.

Мы все в этом доме
одною судьбою равны...
(Едва ли все это забудется
после войны).

Тревожная ночь.
— Затяжка, дружок, «Ермака»,
ту песню,
с которой орловцы на Шинке
сражались,
с которой мерзли под Плевною
наши воиска,
но все-таки в дом свой
живыми они возвращались...
ВЕЛЕНЦЕ. Район озер. Венгрия.

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ ДРУЗЬЯМ

В тыщу девятьсот восьмидесятом
выйдут без некролога газеты.
Я умру простым, как гвоздь,
солдатом,
прошагавшим в битвах полкаными.
Я умру — вы на слово поверьте —
вашим верным, вашим прочным
другом,
со спокойной мыслью, что до
смерти
всем врагам воздал я по заслугам.

В том году, как броненик, суровый
«ЗИС-107» пройдет по Сивьев
Вранжу,
буду я лежать на все готовый,
с крышной гребовою нараспашку.

И студент последней самой моды
сканкет, проходя по перулку:
«В силу диалектики природы
он ушел из жизни на прогулку».

Я студенту возражать не буду —
мысль сухая, трезвая, благая:
некрасиво быть в гробу поуду,
истинной наук пренебрегая...

Утром, в девятьсот восьмидесятым,
под синичный писк, под грай
домуправ гражданскою воронкой
намекнет на мир потусторонний.

Вот и стану — запахом растений,
звуком, ветром, что цветы
колышет...
Полное собрание сочинений
за меня сержант Петров напишет.

Он придет с веселыми словами,
с мизодом гениального мужчины.
Если он находится меж вами —
пусть потерпит до моей кончины.
КОНСТАНЦА. 1946 г.

жон и, срубив великана, тут же направился в милицию, где и был взят под стражу. О чем шел разговор между супругами и Соломиным, Ротова не знает. Но догадаться нетрудно. То, что было неизвестно Мамченко и заседателям, но известно многим жителям Борового, разворачивалось на суде в двух планах: один формально соответствовал 136 статье, другой излагал роду семьи Казакова. В этом кинотеатре Мамченко и заседатели, с одной стороны, и местные жители, с другой, как бы смотрели два фильма на одном экране.

Казаков должен был понести и понесет за убийство тяжелое наказание: никто не имеет права присваивать себе карательную функцию, принадлежащую государству. В этом смысле решение суда правильно. Но правильный выход сделан судом из неправильных предположений, а в них заключено воспитательное значение процесса.

Можно ли объяснить мотив такого преступления ревностью? Мыслимо ли объяснить ревностью бесспорное право супруга защищать честь своей жены? Казаков воспользовался своим правом преступно, и за это его следует судить. Но только за это! Дело Казакова по 138 ст. УК, которая рассматривает об убийстве «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насильем или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего», — причина, значительно смягчающая вину.

Но меня, как писателя, как коммуниста, наконец просто, как советского человека, волнует в данном случае не только неправильное применение закона. Как и все наше общество, я хочу видеть в суде не абстрактную идею правосудия, а личность с сердцем и душой, личностно, страстно борющуюся за торжество коммунистической нравственности.

Суд в Боровом не взглянул в живую душу людей, представших перед ним. У меня создалось впечатление, что суд не стремился к раскрытию всех психологических мотивов и тонкостей этого современного неслыханного случая. Как иначе объяснить отказ в законном требовании подсудимого прибыть к делу ревниговский снимок? Как объяснить равнодушие к разному свидетельским показаниям, когда они касались личности убитого? Тов. Мамченко совершил и вторую ошибку. Осудив Казакова, он должен был определить и свое отношение к Соломину. Это

нужно было сделать не ради Казакова и уж, конечно, не для Соломина, а для тех людей, которые собрались в зале.

Убийство в Боровом и посвященный ему судебный процесс заставляют задуматься над рядом вопросов. У нас самый демократический в мире процессуальный порядок. Любой советский гражданин имеет право подавать суду письменные заявления по поводу данного дела, хотя бы он к этому делу не имел отношения.

Чего добивается этим законодательство? Того, чтобы наш советский суд вслушивался в голос народа, не отрывался от него, проверял бы каждый свой шаг критикой народа. К сожалению, практика показывает, что этим драгоценным правом наши люди редко пользуются. Почему? Потому, что не знают о нем. Если бы жителям Борового, присутствовавшим в зале суда, было известно, что они, как граждане СССР, являются законными участниками судебного заседания, тов. Мамченко не совершил бы судебной ошибки. И второе. Если бы сами трудящиеся вовремя прервали хулиганские выходки Соломина, не было бы и самого убийства.

Ленин писал, что «диктатура предполагает действительно твердую и беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов, революционную власть...». Владимир Ильич разглядел в хулиганстве не только озорство, но острую политическую опасность. Между тем сейчас, надо прямо сказать, понятие хулиганства уже очень как-то измелчало. Мы иногда относим к хулиганам озорников. Прощел мальчишка, плюнул вам на ботинок — вот и хулиганство. Но как распечатать поведение Соломина? Ведь это человек в душе! И в душе не одного Казакова! Чувствуя свою безнаказанность, благодаря своей грубой силе, публично требует от женщины изменить своему мужу, разве Соломин не намерен этим глубочайшим оскорблением общества? Не оскорбил ли самого понятия брака? Не оскорбил ли самого понятия любви? Нужно решительно отбросить бытующее у нас представление о хулиганстве, как о чем-то мелком, ничтожном. Чем выше поднимается наше общество этически, тем не терпимее становится хулиганство. Поручить борьбу с ним одной милиции нельзя. Искоренение хулиганства — дело всех наших людей.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ
с. Боровое, Казахстан

Кадр из фильма «Веселые звезды».

лись в пляс, метелью закружились бойцы в масках, и действительно завихрился, закружила снежная метель...

Выразительно сняты операторами В. Николаевым и М. Гиндиным гаец А. Насыров и безукоризненно исполненный братьями Ворониными акробатический номер.

В картине участвуют Клавдия Шульженко и Леонид Утесов. Появления Утесова в образе пастуха Кости из «Веселых ребят» зрители встречают горячими аплодисментами. Это аплодисменты старому любимому фильму и аплодисменты тому, что Утесов вновь появился на экране. Но образ Кости быстро исчез, а взамен него ничего интересного в картине — увы! — нет. Нет в картине шутилки и весельчака Утесова, нет и Утесова-лирика. Композитор Дунаевский и поэт Матушевский написали для него скучную, тягучую песню. И это крайне досадно.

Неинтересные песни исполняет и К. Шульженко. В кинематографической подаче номеров певцы постановщики утратили чувство вкуса, концентрируя внимание зрителя больше на эффектных позах и туалетах актрисы, чем на ее исполнении.

«Веселые звезды» могли быть веселее. Но не следует забывать, что это первый фильм об эстраде, в нем немало удач, и зрители будут благодарны его авторам.

Владимир ПОЛЯКОВ

по следам выступления
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПОЧЕМУ НЕ ПЕРЕИЗДАЮТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СКИТАЛЬЦА?»

В связи с письмом читателей «Почему не переиздают произведения Скиतालца?», напечатанном в № 69 «Литературной газеты», Гослитиздат сообщил, что в 1955 году будет вытиснен сборник избранных произведений С. Скиतालца. В него войдут лучшие стихи и песни, рассказы, роман-поэма «Звезда», а также воспоминания писателя о Л. Н. Толстом, А. П. Чехове и А. М. Горьком. Сборник будет издан массовым тиражом.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
ПИСАТЕЛЯ

Суд в Боровом

В селении Боровом, Кочкеевской области, плотник Казаков ударом ножа убил заведующего бойней Соломина. Дело слушалось 22 мая выездной сессией Шучинского народного суда.

Советский суд, помимо тех специфических задач, какие он выполняет, будучи установлен чистого юридического, играет еще воспитательную роль: все течение судебного производства имеет целью подчеркнуть великое значение коммунистической морали для всей жизни и творчества советского общества. Всякое нарушение этой морали есть посягательство на социалистический порядок, установленный народом. Тем более относится это к такому общественно опасному явлению, как убийство. Убийцы не должны рассчитывать на пощаду. Необходимо, чтобы об этом знали все. Вот почему выездная сессия решила — и совершенно правильно — сделать суд над Казаковым показательным и устроить его в боровском кинотеатре. Так как жители селения хорошо знали Соломина и Казакова, то кинотеатр был переполнен.

Велик полуденный Казаков. Небольшого роста, худой 45-летний бровист с лысеющим лбом и впадинами щеками, четким, быстрым шагом направился к своему месту и сел. На вопрос, имеются ли у него к суду просьбы, Казаков ответил, что считает бы правильным приложить к делу рентгеновский снимок, подтверждающий факт перелома ключицы — увечье, нанесенное ему Соломиным во время драки. Судья тов. Мамченко резко возразил, что «суд этим заниматься не будет». В дальнейшем судьям с просьбами к суду не обращались. Причину убийства он объяснял состоянием опьянения. Владельцы в подробности не стал. Свидетельские показания не опирались даже тогда, когда они были явно противоречивы. Вся его манера держаться говорила о том, что он сделал то, что сделал, и обязан, конечно, понести за это наказание. Видно явности дела прокуратор тов. Иласов счел необходимым допросить и на основании 136 ст. УК потребовал для Казакова десяти лет лишения

свободы. Это требование суда удовлетворил. Когда собирались выходить из кинотеатра на улицу, я обратил внимание на то, что люди были как-то особенно молчаливы, и в этой сдержанности чувствовалась недоверчивость. Все это заставило меня задуматься, тем более, что в самом юридическом казусе и в отношении к нему суда было много неясностей.

Во-первых. Почему тщедушный Казаков сам дважды ввязывался в драку с Соломиным, которого все проходившие перед судом описывали, как богатыря?

Во-вторых. Почему судья тов. Мамченко отказался заниматься вопросом о переломе ключицы? Почему не устроил очной ставки между свидетелями — бухгалтером и завмагом, хотя первый заявил, что Соломин в продовольственном магазине ударил Казакова, а второй это отрицал? Почему не заинтересовался он лично Соломина?

Наконец, в-третьих. Почему сочли возможным обвинить Казакова по 136 статье, предусматривающей убийство из низменных побуждений? Юридически суд исходил из одной-единственной фразы Кесиня, жены Казакова: «Стою я на кухне, леплю пельмени, входит Федя, весь избитый, окровавленный, сел за стол, плачет: «Все, говорит, через тебя, Кесиня». Фразы эти оказались достаточно для того, чтобы увидеть причину убийства в ревности.

...На следующий день я пошел на озеро к рыбакам, затем в сапожную мастерскую, потом в парикмахерскую, в местный клуб, на стройку. Всюду у меня нашлись небольшие дела, начал которые, я сворачивал разговор на дело об убийстве Соломина. Иные отнекивались... Некоторые сухо отвечали, что раз уж вынес решение, то и толковать о Казакове нечего. Но слышал и такие, которых я задел за живое. Не последнюю роль сыграло и то, что я поэт, а знание поэта в нашей стране, как я убедился, стало занятием народных: поэту расказуют все. И тут я услышал глубоко волнующую историю.

— Почему Казаков сам налетал в тот день на Соломина?

— А как же иначе? Ведь Соломин этот крепко его обидел.

— Чем?

ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЕМ ВАМ, НАШИ ПОЛЬСКИЕ ДРУЗЬЯ, УСПЕШНОГО ТРУДА, СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ!

Анатолий СОФРОНОВ
Десять лет

22 июля 1954 года... В праздничном убранстве сегодня города и села народной Польши. Днем возрождения назвал свой великий национальный праздник польский народ. Из года в год отмечают в дни, когда на полях убирают урожай, когда под тяжестью плодов склоняются ветви в садах, когда в разгаре страдная пора на строительных площадках. Как образ счастливой жизни людей труда в народно-демократической Польше, встает ее великий праздник перед мысленным взором миллионов друзей этой страны.

Десять лет назад, в июльские дни 1944 года, Советская Армия вместе с частями Войска Польского начала освобождение польской земли от гитлеровских захватчиков. 22 июля 1944 года Польский комитет национального освобождения принял Манифест, который звал поляков к борьбе за свободу и независимость родины, провозглашал широкую программу социальных преобразований. Так началась новая история польского государства, знаменующая собой национальное и социальное освобождение героического польского народа.

Прошло десять лет. Раскованная творческая энергия народа чудесно преобразила страну от балтийского побережья до лесистых Карпат, от Вуга до Одера.

Польская объединенная рабочая партия повела народную Польшу по пути мира и процветания. Руки свои и сердце свое польский труженник отдал строительству новой жизни. В каком честном человеке не вызовут чувства гордости уное творчество и щедрая созидательная сила польского народа? Отсталая в прошлом аграрная страна, находившаяся на задворках Европы, превратилась в мощную индустриальную державу. Навсегда ушла в прошлое беспросветная нужда старой польской деревни, изо дня в день меняется ее лицо, растет число земледельческих производственных кооперативов. Гулом трактором понаехали поля трудового крестьянина.

Никогда в истории Польши не было такой заботы государства о просвещении, духовном росте и культуре народа, как ныне. Повсюду поднимаются корпуса новых школ и институтов, бурно расширяется сеть библиотек, открываются новые театры и музеи. В невиданных масштабах растут тиражи книг, газет, журналов. Удовлетворение непрерывно растущих материальных и духовных потребностей трудящихся — основная цель, главная забота Польской объединенной рабочей партии.

Достижения народной Польши велики. Выражение их весомо и зримо. Родилась эти достижения в трудной борьбе с силами внутренней и международной реакции, все еще тешно пытающейся повернуть вспять колесо истории.

С глубокой верой в победу социализма на своей земле вступает сегодня польский народ во второе десятилетие существования родного народно-демократического государства. Эта вера имеет в своей основе вложенную дружбу и неизменную помощь великой страны социализма. Помощь СССР, братская дружба народов Советского Союза, доказательства которых польский народ видел на каждом шагу на протяжении всего минувшего десятилетия, — говорит товарищ Болеслав Берут, — стали одной из могучих движущих сил польской народной революции.

В день великого праздника от всей души желаем вам, польские друзья, успешного труда и счастливой жизни!

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

В это утро на Гданьском аэродроме царил необычайное оживление. Сюда приехали многочисленные представители общественных организаций всего побережья, делегации моряков торгового флота и прежде всего множество молодых и старых женщин с огромными букетами цветов. И, конечно же, дети.

Бого ждали эти люди? Они встречали своих близких, героических моряков с польского торгового судна «Праца», которое девять месяцев назад было протаранено захвачено в открытом море чанкайштинскими бандитами.

В течение девяти долгих месяцев наши моряки находились в чанкайштинском плену на Тайване. В течение девяти месяцев они подвергались самым изощренным моральным пыткам и отвратительному шантажу. В течение девяти месяцев они неустанно боролись за возвращение домой, противостоя бесчисленным провокациям, угрозам и запугиванию.

И вот теперь, после длительного плена, благодаря неустанным усилиям польского правительства, благодаря настояниям и протестам общественного мнения всего мира наши моряки получили свободу. Через несколько минут мы увидим их на аэродроме, через несколько минут матери, жены и дети обнимут их, через несколько минут наши моряки коснутся священной земли отчизны, от которой они были насильно оторваны так долго...

Некоторые будут радоваться вдвойне: несколько молодых женщин прибыли сюда с детьми, которых их отцы еще ни разу не видели. В таких детях принадлежит и Влодзис Целюбка, роившийся спустя три месяца после пленения отца. Молодая мать то нежно прижимает к себе ребенка, то утирает слезы радости: жив, жив ее муж!

Еще минута... еще две... Но вот маленькая черная точка на горизонте начинает быстро увеличиваться, принимает очертания самолета, он приближается и вот уже подраывает к зданию аэропорта. Матери, жены и дети не выдерживают: что есть духу бегут к самолету, чтобы поскорее обнять тех, кто всего несколько дней назад был вырван из рук чанкайштинских

Казимеж БРАНДЫС

Праздник в Польше

ОТРЫВОК ИЗ НОВОГО РОМАНА «ГРАЖДАНЕ»

В то утро скорым поездом из Нижней Силезии прибыло немного пассажиров. На платформу Центрального вокзала из вагонов вышло около ста человек, среди них привлекли внимание четверо греков в черных пальто с перьями, в брюках в обтяжку. Видимо, какая-то западная делегация.

Прежнее не выпалило в пути и не поблизил. Перед вокзалом не было ни одного такси. Солнце и флаги, развевающиеся на белых мачтах, слепили глаза.

— Последний автобус ушел, — отозвался на вопрос Павла один из сидевших на ступенях носильщиков.

Павел снял шапку и вытер платком лицо. Умыться в поезде он не успел. Поглядев на свой чемодан, перевязанный веревкой, он решил: «Сдам в камеру хранения».

Полчаса спустя Павел уже шагал вместе с группой пассажиров, приехавших со следующего поезда. На вокзале он успел и умыться и наскоро пообедать, после чего напился чаю в полужестком буфете. Теперь можно было не спешить. Павел медленно шел в сторону Маршалковской улицы. Он разглядывал украшения и портреты, читал лозунги. На душе было ясно и легко. Павел прикинул, сколько раз ему уже приходилось идти этой самой дорогой, припомнил свой первый приезд в Варшаву, осенью, когда он искал Кузнара. Улыбнулся при мысли, что за это время он совершил огромное путешествие. «По суше и по морю»... — вспоминалось ему название давно прочитанной книги.

На углу Маршалковской улицы уже стояла колонна. Мостовую заливали ряды демонстрантов в голубых, зеленых, желтых и белых комбинезонах с яркими значками на груди. Спортсмены. Шеренга мужчин с копьями в руках. Дальше футболисты в красных рубашках, потом молодежь, окружающая стройную модель планера, украшенную вымпелами. Демонстранты пели. Тонкозвонные девушки, подубоженные и загорелые, держали под руки. Колонны шествовали, словно две пестрые гусеницы, вывалили с обеих сторон Маршалковской, слились на перекрестке в многокрасочный людской поток и закружились широкую мостовую Алеек. Тротуары были опелены веревками. На крышах и скалах развешены, на балконах и строительных лесах прикрепились тысячи любопытных...

Среди девушек в спортивных костюмах он заметил одну светловолосую, коротко подстриженную, очень похожую на Агнешку. Она стояла, запрокинув голову, и смотрела на стая голубей, которая вилась над крышами. Слышался шум отдаленных авиаций, спортсмены начали скандировать: «Мир! Мир! Мир!» Девушка хлопала в ладоши. Павел видел, что это не Агнешка, но не мог оторвать от нее глаз. «Где она теперь?» — подумал он. Наверняка, она была на демонстрации и видела летающих голубей. Павел не спускал с них глаз. Ему казалось, что так он встречается с ее взглядом.

— Внимание! — раздавался голос из ре-

продуктора, укрепленного на фонаре. — в гробу подлетит корейская лети, взятые народной Польшей на воспитание! Над ними плывут голуби мира!

Слова диктора заглушили приветствия и гром аплодисментов, потом из репродуктора донесся женский голос, декламирующий «Оду к миру». К перекрестку с двух сторон двигались могучие волны, на их гребнях дохлялись транспаранты, полотно и белые буквы лозунгов. С портретов, плывущих над головами демонстрантов, вожжи выстраивались валь. Засверкали красные и голубые палитры! Это шли ученики художественных училищ, ритмично поднимая и опуская руки. Над одной из групп подпрыгивали карикатурные изображения поджигателей войны, а в середине поперу шагала старая бородастая коза в цилиндре «Яди Сама».— Труман! Труман! — послышался смех с крыш.

Павел протиснулся сквозь плотную толпу на перекрестке и остановился за чей-то спиной. Теперь демонстранты проходили совсем близко от него: быстрые, нервные шеренги, сплетенные цепями рук. Он видел лица старых рабочих, несущих букеты полевых цветов; согбенные трупом спины их мужей, вздохновенные чубы зетемповцев... Маленькие пионеры в коротких штанишках усердно перебирали ножками, тонким голосом выкрикивали лозунги. Высокий молодой мужчина с выбритой головой нес на плечах девочку в розовом платьице; она махала ручкой, кто-то кинул ей конфетку, трое пионеров поднесли ей девочку, она ласково улыбнулась.

Издавая послышавшаяся грохот — на грузовике везли новую модель металлообрабатывающего станка, грузчик был убран лентами, словно новобрачная; потом показались открытая платформа, на которой три девушки стоя разворачивали длинные полотнища материи, а над ними высилась таблица с показателями выпуска продукции. Дальше шел невысокий, чуть согбенный мужчина, держав плечо у него был повязан красный шарф. Он шел один, держа шапку в руке, окромяя, даже несколько смущенный, а уже всматриваясь в его фамилия, — три дня тому назад этот человек выполнял свой шестилетний план.

Вскоре раздался лязг и грохот, и мальчишки, взвизывая со строительных лесов, закричали: «Комбайнеры едут!» Комбайнеры приветствовали толпу, за ними тарелки тракторы.

— Жители столицы приветствуют молодежь! — неохотно гаркнул репродуктор в ливне рукоплесканий.

«Ода к миру» — стихи известного польского поэта Я. Явашевича. Ред. Сокращенное название членом Союза польской молодежи. Ред.

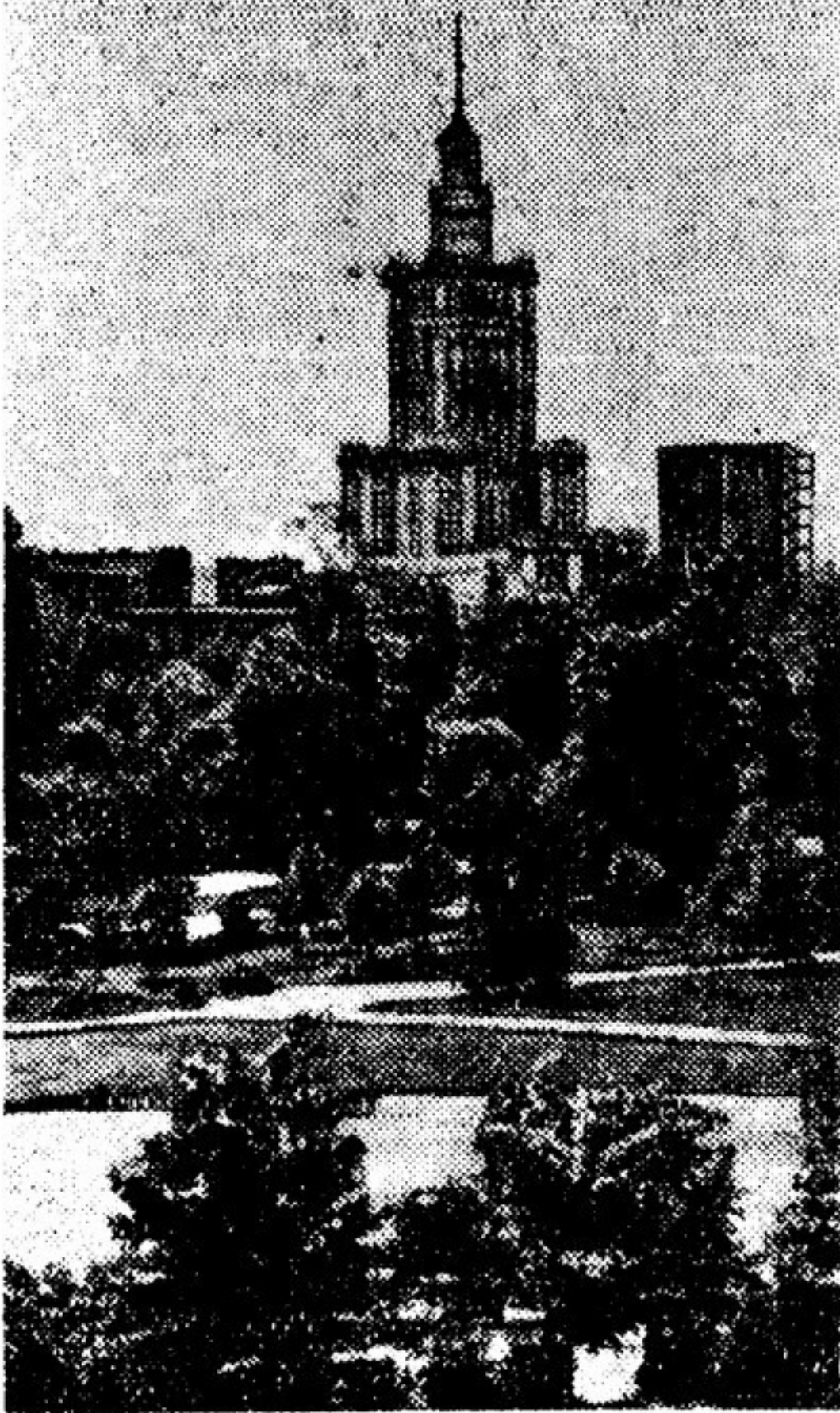
Любомир ДМИТЕРКО

Заря над Варшавой

Кончалась ночь. Над сизым плесом Рождался день, горя ночные тени. Над кручено, как облака, повисли Июньские акации в цветеньи. В медово-буйной белоснежной пене. В пьянящих соков молодого кленя.

Мой чешский друг, ты поминши, мы бродили И утро Польши радостно встречали. Мы служим оба той великой силе. Чей труд и здесь живет в любом квартале. Мы громких слов произносим не стали. Бродили зачарованно. Молчали.

Потом пришли еще друзья другие, — Один, летевший из Москвы со мною... Мискивал. Мол советская Россия! Гордится человечество тобою. А друг второй... По круче над рекою Он шел, как воин по плащадку боя. Он вынес рану в сердце из сраженья.

Варшава. Вид на воздвигаемый в польской столице Дворец культуры и науки имени И. В. Сталина со стороны Саского парка.

Снимок Центрального фотоагентства Польши.

Готовый в бой опять во имя света. О, сердце! Верю, в час больших свершений Ты не откажешь воину-поэту. Как солнце, греющее всю планету, Служи неутомимому Хикмету!

Шагах в ста показалась шеренга белых блузочек. Это шли девочки из лицеев с цветными платочками в руках. По бокам шагали молодые учительницы, они тоже махали платочками. У Павла рябло в глазах от мелькания лиц и красок. Транспаранты с названиями школ то поднимались, то опускались, девочки пели.

А издали уже доносились более звучное, боевое, ритмичное пенне. Объявлялись, шли мальчишки, образуя сомкнутый прямоугольник, над которым звенела песня. Во главе колонны шел отряд маленьких барабанщиков, лихо выстукивая дробь палочками.

Павел ощутил в сердце бегание ста барабанов. Он подсел на зачь-то спину. В зиних рядах колонны, упиравшихся за учительниц, семилети хетишки из младших классов. Агнешки нигде не было видно.

— Да здравствует польская молодежь и ее самоотверженные воспитатели! — провозглашал репродуктор. Четверо гимназистов с сосредоточенными лицами встали на постаменте открытую книгу величиию с дверь. На огромных страницах виднелась надпись:

Мы открывали Марку каждый том, как в доме собственном мы открываем ставни...

Который теперь час? Двенадцать?.. Полночь первого?.. Наверное, уже за полночь. Перед глазами Павла демонстрация сливалась в огромный шумливый поток. Лица, знамена, шаги и песни. Портреты, транспаранты и лозунги... Он стоял в толпе, прижатый к углу мостовой. Улица походила на гулящее ущелье, в которое хлынула лавина. Вот идут железнодорожники. Паровозные бригады, машинисты, кокаги. В первой шеренге — пожилые, седоволосые мужчины, вышитые красное знамя. Это они гудком своих паровозов прощались с умершим Лениным. Павел снял шапку и закричал: «Да здравствует железнодорожники!» — Один из них поднял вверх темный крепкий кулак.

Металлисты... Показатели выпуска продукции, перевыполненные нормы, завоеванные позиции лавана. У передовиков труда повязаны через плечо ленты. Фабрика имени Сверчевского? Рабочие завода «Урсус» несут на плечах белый брест Сталина. Оглушающий грохот тракторов. Рационализаторы... Молодежные бригады... Улыба-

5 Кароль Сверчевский — национальный герой народной Польши, погибший в 1946 году от пули презренных агентов империализма. Ред.

Приближается новая колонна. Впереди идут трое маленьких пионеров с серебряными фанфарами. — Ровней ряды! — призывает репродуктор. Пионеры одновременно подносят фанфары к губам и играют в зорю.

Павел не мог потом припомнить, как и когда он вступил в ряды с демонстрантами.

Вдруг молнией сверкнуло что-то с шумом — Над нами птица взмыла аввсь мгновенно. На языке родимом каждый думал Об этом ясном дне, благословенном. Варшава пробуждалась постепенно, Идя на труд и подвиг вдохновенный. Несла на крыльях солнце в небе птица.

Несла покой, как будто голубь мира. В нас кровь борцов солдатская струится, — Кто нас пугает войн кровавым пирамом? Какай мразь опять взбесилась с жури? — Мы всюду на часах — солдаты мира!

И этот город, вставший спозаранку. В бох снежный начисто врагам. Созданный боевую «Варшавянку» Вновь поднятый рабочими руками. Где оперся на камень, снова камень, Как клич — «За мир!» — поднялся перед нами.

Авторизованный перевод с украинского Дмитрия СЕДЫХ

ВАРШАВА—КИЕВ Июнь, 1954 г.

шеся лицо Мориса Тореза. «Мы хотим мира!» «Долой поджигателей новой войны!» Фабрика электрических лампочек. Женщины, идущие в первой шеренге, смеются и машут платками. «Женщины ненавидят войну...» «Покой! Мир! Мир!» «Матери! Станьте в ряды борцов за мир!» Рабочие автозавода Жерани поют «На баррикады...» «Трудовой народ, защити мир!». Молодые работницы в комбинезонах несут охапки цветов. Модель автомобиля возвышается на грузовике. «Позор врагам человечества!». Бульдоз с трубой в зубах, заржавленный в тележку с мешками долларов — капиталистические государства. Павел поет вместе со всеми: «Это есть наш последний...» Полулетнее солнце припекает крышу и головы. Становится все жарче, лица демонстрантов блестят, людей все больше. Голос в репродукторе призывает не толпиться, выровнять шаг, соблюдать порядок в колоннах.

«Да здравствуют строители столицы!» Мао Цзэ-дун смотрит с портрета на флаги, украшающие Дом партии. На тех, кто действительно готов отдать жизнь за дело революции, лежит самая высокая ответственность, потому что именно они обладают самой большой силой. «Весь мир насилья мы разрушим!».

Павел улыбнулся девушке, несущей транспарант. «Сумела бы она пожертвовать своей жизнью?» — подумал он. Девушка весело рассмеялась, но тут уже шли другие. Юноши и девушки несут красное полотнище с надписью: «Слава героическому корейскому народу!». Диктор декламирует стихотворение современного поэта: «Выше возьмите алое знамя... Выше возьмите алое знамя... В этот самый день в Икхелье на улицах такая же демонстрация. «Побе битвы — вступо», — размышляет Павел. Подлости нет никого, с кем бы ты мог поделиться своей мыслью: все, что ты умеешь, и все, что у тебя есть, принадлежит не только тебе, это не только твоё, ты ответствен за это, это принадлежит и социализму.

— Народ Варшавы приветствует бойцов сражающейся Кореи!

— Слава защитникам Вьетнама!

— Да здравствует рабочий класс Польши!

— Слава строителям Варшавы!

«Вставай, проклятым заклейменный...» Павел подхватывает лозунги. Над его головой проносятся тысячи приветствий, призывов. Он приветствует идущих, высоко подняв шапку. «Это люди, с которыми ты пойдешь до конца», — мысленно говорит он себе. — Твой народ, ты будешь делить с ним горе и радость, ты всегда связан друг с другом, вы отвечаете друг перед другом. Они будут врачевать твои раны, они будут судить о тебе...».

В связи с этим, как утверждали профессора, у польских моряков есть только один выход: подписать заявление с просьбой о предоставлении им политического убежища на Тайване (1). Но даже сами профессора не верили в силу своих «аргументов». Впрочем, «ученные» не допускали никакой лексики: немедленно после «лекции» они попросту удаляли из украинского ДМИТРИЯ СЕДЫХ

было отправлено в Польшу, чтобы скомпанировать нас в глазах нашего народа... Но мало того: отдельных моряков пытались просто подкупить самым наглым образом... Загнаны мучительной смертью...

В такое трудное время огромной помощью пленникам явилась негалагальная деятельность партийной организации корабля. Именно члены партии руководили всей борьбой, именно они вселяли в людей твердость духа, силу и мужество перед лицом врага. На Тайване, в обстановке террора, а тяжелейших испытаниях можно было увидеть, сколько мужества, стойкости и отваги проявляли польские моряки. Как раз там, в чанкайштинском плену, по существу, перед лицом смерти, три члена экипажа — Леон Вильчынски, Болеслав Вятковский и Рафал Антончик — были приняты в ряды партии!

Наконец, последние месяцы неволи. Партийная организация бросает призыв: «Голодовка! Только голодовка может открыть нам путь на родину! Только общая голодовка может заставить чанкайштинцев ступить перед протестом мирового общественного мнения!».

— Этот шаг не обманул нас и наших надежд! — с удовлетворением говорит Сфорчак. — После четырех голодолок прогрома дождавшаяся весть: нас должны освободить!.. Голодовка, продолжавшаяся с переерывами от 29 апреля до 5 июля, дала свои результаты: 12 июля мы выехали с Тайвана. Путь наш лежал через Бангкок, Калькутту, Карачи, Абдан, Рам, Цюрих, Франкфурт-на-Майне, Копенгаген и, наконец, Стокгольм. Оттуда мы уже прямо вернулись на родину... Эдвард Сфорчак закончил на этом свой рассказ. Естественно, что в краткую беседу было невозможно вместить всю драматичность десятидневного плена — того плена, в котором экипаж «Прапы» показал всему миру, что моряк Польской Народной Республики — наперекор любым пиратам и их американским хозяевам — честно и беззаветно служит ало-белому флагу.

Зигмунт БРОНЯРЕК
ВАРШАВА, 21 июля. (По телефону)

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЦЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРВИЧКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

Тракторный завод «Урсус». На снимке: общий вид конвейера, где производится сборка тракторов. Снимок Центрального фотоагентства Польши.

Цифры побед

В 1953 году Польская Народная Республика вышла на пятое место в Европе по выпуску валовой промышленной продукции.

В 1953 году продукция польской промышленности на душу населения была почти в 5 раз больше, чем в 1938 году.

За два десятилетия (с 1918 по 1939 год) в буржуазно-помещичьей Польше не было построено ни одного металлургического предприятия. За годы народной власти реконструировано и построено 13 доменных печей, около 30 мареновских печей, введено в строй 9 прокатных станов.

В довоенной польской деревне более 70 процентов крестьян либо вообще не имели земли, либо располагали карликовыми наделами. Почти 50 процентов крестьян в возрасте от 18 до 25 лет составляли армию безработных. В результате земельной реформы и освоения западных земель польское крестьянство получило 6,1 млн. гектаров земли.

Если в 1949 году в Польше было 243 земледельческие кооператива, то сейчас их насчитывается около 9 000.

В 1953 году национальный доход Польши больше, чем в два раза превысил уровень 1938 года. Реальные доходы городского населения были выше довоенных почти на 40 процентов, а сельского населения — на 75 процентов.

В 1945—1953 годах государство восстановило и вновь построило в городах свыше одного миллиона двухот тысяч жилых домов.

Количество студентов в 79 высших учебных заведениях Польши составило в 1952 году около 120 тысяч человек, в то время как в буржуазной Польше всего 48 тысяч студентов.

В Польше работают сейчас 100 театров — это в два раза больше, чем до войны.

В 1953 году общий тираж изданных в народной Польше книг и брошюр составил 90 миллионов экземпляров, в то время как самый большой тираж в довоенные годы составил 29,2 миллиона экземпляров.